

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 119 (1725)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья «О дискредитации парламента», опубликованная в «Независимой газете», № 237, 29 октября 2019 года.

Вологда
октябрь 2019

О дискредитации парламента

Судя по соцопросам, у России два союзника: армия и ФСБ

Опросы, посвященные доверию граждан общественно-политическим институтам, ветвям и структурам власти, вызывают резонанс разве что тогда, когда фиксируют внезапное падение рейтинга президента. И в этом случае социологам приходится чуть ли не объясняться. Опубликованный на прошлой неделе опрос Левада-Центра привлек внимание тем, что второй год подряд декларируемое доверие армии оказалось выше доверия президенту: 63% против 60% «вполне доверяющих». ФСБ и другие спецслужбы – на третьем месте (48%). При этом о недоверии спецслужбам граждане говорят реже, чем о недоверии главе государства: 36% против 39%.

Доверие силовым структурам возникает почти неизбежно, если государство всеми медийными силами несколько лет подряд формирует в массовом сознании образ осажденной крепости. Россия, если принять такую картину мира, оказывается в кольце террористов, которых лучше уничтожать на дальних подступах, и государств-недоброжелателей, использующих любой повод, чтобы экономически ослабить нашу крепнущую державу. В таких реалиях у России, конечно, остаются лишь два союзника, то есть армия и ФСБ, а президент – командир, которого не стоит менять в военное время.

Если же данные Левада-Центра рассматривать в отрыве от российских реалий, то первое, что бросается в глаза, – это рейтинговая пропасть между президентом и силовиками, с одной стороны, и правительством, парламентом и политическими партиями – с другой. 26% доверяют правительству, 24% – Госдуме, всего 16% – партиям. Может сложиться впечатление, что парламент находится под контролем сил, соперничающих с президентом, как это было в России в 1993 году. При этом глава государства популярен, а партии и кабинет министров – нет. Парадоксальным образом все, как известно, обстоит иначе: в Думе представлены партии, лояльные президенту, правительство утверждено им же, в стране создана и пока не демонтирована вертикаль власти.

В действительности мы знакомимся с данными опроса о функциональном, а не политическом доверии. Опрошенные граждане по большому счету выбирают из предложенного списка институтов те, от которых что-то зависит, то есть реально работающие структуры. К ним, в частности, не относится ни одна из палат российского парламента. Граждане понимают, что все в стране решает президент. Это следует и из Конституции, и из опыта последних десятилетий. Примечательно, что все не сводится к личности Владимира Путина: в 2009 году он был премьером, и доверие правительству составило 34%. Сохраняя высокий личный рейтинг, Путин не слишком усилил сам институт.

При таком распределении доверия силовой блок остается чуть ли не единственной базой, на которой возможен рост популярного политика. В перспективе «транзита-2024» это актуальная проблема. Не менее актуален и вопрос о том, в какой мере «силовой» стиль мышления отвечает стоящим перед страной задачам, среди которых – рост реальных доходов граждан и переход к современной и эффективной экономике.

У парламента и парламентаризма в России плохой имидж. Достаточно почитать о первой Думе в школьных учебниках истории: внутренне конфликтная, нестабильная, неработающая структура. Актуальные медийные практики поддерживают этот образ уже в современных условиях. Госдума, если судить по СМИ, в том числе (и в немалой степени!) государственным, – это прежде всего громкие и безответственные декларации и машина, штампующая разные запреты. Набрать популярность и доверие на этой площадке затруднительно. Функция такой Думы – оттенять, подчеркивать эффективность президента и силовых структур. Власть использует парламент как конституционно необходимый инструмент управления, а вовсе не как механизм кадрового обновления. Институциональный баланс при таком раскладе и вовсе остается предметом мечтаний демократов-идеалистов.